

ЗАМЕТКИ О СЕМИНАРЕ И.М. ГЕЛЬФАНДА

Писать о событиях почти полувековой давности непросто – память не только очень избирательна, но и имеет собственную точку зрения, которая не обязательно совпадает с действительной историей и может искажать пропорции и перспективу. Поэтому за детали не ручаюсь, но общую ауру семинара, надеюсь, передам верно.

Можно сказать, что у семинара Израила Моисевича Гельфанда было две ипостаси – внешняя и содержательная. Внешне заседания выглядели несколько странновато, если употреблять интеллигентное выражение. Официально семинар начинался в семь вечера, но руководитель появлялся обычно незадолго до восьми. Не могу сказать, насколько это было продуманным педагогическим приемом, но пользу нам такая пауза приносила несомненно – мы общались. Параллельно можно было также угощаться чаем и бутербродами с сыром и колбасой, купленными вскладчину. Появившись, И.М. отнюдь не извинялся за опоздание и не стремился сразу же приступить к делу – вместо этого он обычно решал какие-то свои проблемы с кем-нибудь из участников. Наконец, докладчик получал слово. Послушав минуту-другую, Гельфанд нередко устремлялся в глубь аудитории и начинал довольно громкую беседу на тему, к семинару не относящуюся. Растерянный докладчик неуверенно продолжал что-то мямлить, стараясь сообразить, не стоит ли садиться. Через какое-то время И. М. возвращался на свое место в первый ряд и просил кого-нибудь: “Расскажите, о чем он говорит”.

В более благоприятном случае Гельфанд сам обрывал докладчика и требовал опустить историческое введение и брать сразу “быка за рога”. Потом он ошарашивал выступающего: “А почему это интересно?” Комментируя доклад, И. М. в выражениях не стеснялся, любил вспомнить какой-нибудь более или менее подходящий, а иногда и обидный, анекдот.

Некоторых такой стиль ведения семинара шокировал, и они исчезали после однократного “представления”. Но большинство стремилось получить “постоянную прописку” и отнюдь не из-за “зрелищности”, которая сама по себе, полагаю, мало для кого была привлекательной. Почему же Г. Абелев, Ю. Васильев, А. Воробьев, А. Нейфах, В. Скулачев, А. Спирин – список легко продолжить – чрезвычайно ценили семинар и в течение двух с лишним десятков лет принимали живейшее участие в его работе? Да потому, думаю, что, как бы ни были различны их специальности, семинар

сыграл важнейшую роль в становлении этих ученых и многих других “семинаристов”, а также – я в этом глубоко убежден – в развитии нашей биологической науки в целом. Как же это могло случиться? Вопрос тем более законный, что познания И. М. ни в одной из областей биологии я бы не рискнул назвать систематическими и фундаментальными.

Как мне кажется, “виной” всему – абсолютно уникальный, просто потрясающий интеллект Гельфанда. Почти не слушая докладчика, не будучи специалистом в данной конкретной области, он каким-то чудом проникал в самую суть проблемы и давал сообщению нелицеприятную оценку. Эта оценка могла показаться грубой, но грубой она была только по форме, а в душе – если только докладчик сам серьезно относился к своей работе – в конце концов приходилось ее принимать. Приходилось признать: высказывания Гельфанда были критическими не из-за вредности и склочности характера, а потому, что плоды нашей деятельности были в большинстве случаев “по гамбургскому счету”, действительно, уязвимы. И вот эта редкая возможность получить оценку по “гамбургскому счету” заставляла не обращать внимания на все сопутствующие, часто мало симпатичные, обстоятельства. Осознанно или неосознанно мы стремились убедить не только И.М., но и прежде всего самих себя, что мы не такие уж дураки, как он говорит и, вероятно, думает. А убедить можно было только делом. И, следовательно, надо было что-то менять в своей работе и в своем способе думать. В сознание (и в подсознание) впечатывалась мысль, что заниматься стоит такими проблемами, про которые не зазорно рассказать на семинаре Гельфанда. И нужно научиться рассказывать так, чтобы И.М. более или менее внимательно выслушивал. Именно в существовании этого жесткого и подчас жестокого “измерительного прибора” и в желании подобный прибор занять самому, как мне кажется, крылся основной и очень сильный притягательный импульс, исходивший от семинара. По крайней мере, для меня.

Было еще одно важное обстоятельство – семинар был, говоря современным языком, междисциплинарным. И каждая из дисциплин была представлена, по крайней мере, одним из ее советских лидеров. И каждый из этих лидеров полностью выкладывался, рассказывая не только о собственной работе, но и о достижениях своей науки. Поэтому семинар Гельфанда был нашим постоянно действующим университетом или, как сей-

час говорят, институтом постдипломного образования. И лишь одной науки нельзя было касаться: на математику – “родную” специальность Гельфанда – было наложено табу. Наше непрофессиональное пользование числами и формулами его сместило и раздражало. Я запомнил и усвоил на всю жизнь его утверждение: “Если есть 2–3 произвольных параметра, можно всегда составить уравнение, удовлетворительно описывающее любой процесс, но толку в этом – никакого”.

Пожалуй, стоит упомянуть, что не рекомендовалось на семинаре затрагивать и политические темы. Почти наверняка такое неординарное собрание независимо мыслящей молодежи не могло не привлекать пристального внимания “государевых людей в штатском”. Не знаю, было ли это внимание причиной того, что семинару пришлось несколько раз менять прописку, но такое объяснение исключать я бы не стал. Во всяком случае при наличии явной “крамолы” семинар неминуемо бы прикрыли. Умный Гельфанд, по-моему, не мог об этом не думать. И, хотя никто бы не посмел обвинить И.М. в особом конформизме и чрезмерной симпатии к советской власти, он, например, изгнал с семинара Сергея Ковалева, как только его правозащитная деятельность получила широкую огласку.

К сожалению, фирменный знак – беспощадная, но в большинстве случаев небезосновательная критика – в последние годы существования семинара, по-моему, несколько потускнел. Я склонен объяснять это не столько нашим значительным поумнением (хотя кое-что многие участники семинара, несомненно, усвоили) и уж тем более не снижением интеллектуальных возможностей Гельфанда, сколько административным ростом многих “семинаристов”. Если на первых порах аудитория была представлена преимущественно молодыми кандидатами наук, то постепенно многие из них трансформировались в директоров, замдиректоров, завкафедрами, на худой конец – в завлабов. Но ведь наряду с этими “начальниками” семинар посещали и их сотрудники. Гельфанд, по-видимому, считал неправильным (хотел написать “неэтичным”, но это слово здесь смотрелось бы не очень уместно) при всем честном народе “пороть” этих боссов.

Теперь о более частном и личном. Я попал на один из самых первых семинаров; было это в начале 1960-х гг. Собирались мы в небольшой комнате лаборатории Саша Спирина на Калужской (теперь – Ленинский проспект), 33. Не помню, кто меня рекомендовал Гельфанду*, но среди отцов-основателей у меня было несколько приятелей

и знакомых – в частности, помимо Спирина, Саша Нейфах и Игорь Балаховский. У И.М. при организации семинара была вполне конкретная цель: он стремился понять, можно ли как-нибудь помочь маленькому сынишке, заболевшему острым лейкозом. Поэтому на семинаре появился Андрей Воробьев – единственный среди нас реальный специалист по лейкозам, получили также приглашение онкологи – Гарик Абелев и Юра Васильев (последний после некоторого обсуждения – Гельфанда сначала смущал Юрий пост: он тогда был заместителем директора Института онкологии). Народу было немного, и И.М. очень тщательно “прощупывал” каждого. Со мной он провел несколько индивидуальных бесед, я даже побывал у него дома. Насколько понимаю, интересовала Гельфанда не вирусология. После возвращения в Москву из Караганды в 1956 г. я начал работать в Институте по изучению полиомиелита, но мои первые статьи, вышедшие из недр этого Института, были посвящены сравнительному анализу углеводного и окислительного обмена в нормальных и опухолевых клетках. Подробностей тех наших бесед с И.М. не помню, но одной из тем была регенерация печени. Я даже специально читал какие-то статьи по этому вопросу. Выступать я пытался, насколько помню, тоже по тематике, близкой к онкологии. Если тем выступлений не помню, то реакция Гельфанда сохранилась в памяти отлично. Первый год я чувствовал себя “мальчиком для битья”. Попадало часто, больно и прилюдно. Можно было утешаться, что не мне одному. Но ощущение было такое, что “синяков и шишек” у меня было особенно много.

Но постепенно ситуация начала выправляться. Хотя какие-нибудь острые шуточки выпадали на мою долю до самого конца семинара (Гельфанд уехал в США где-то в начале или середине 1980-х), но со временем из объекта критики я начал переходить в категорию критикующих. Думаю, прежде всего, потому, что уроки Гельфанда не пропадали даром. Я действительно многое пересмотрел и переоценил. Гельфанд все чаще стал обращаться ко мне со своими “фирменными” вопросами: “Вадим, о чем он нам рассказывает?”, “Вадим, а почему это интересно?” Такая перемена “погоды” не давала расслабиться – нужно было быть готовым отвечать, да так, чтобы самому не превратиться в мишень для насмешек.

Иногда задумываешься: а зачем, собственно, семинар нужен был самому И.М.? Конечно, ответ знает только он сам. Но мне кажется, что подобные семинары – это один из способов существования Гельфанда в науке. Помимо нашего, у него был, естественно, математический семинар, был семинар по физиологии (с таким участниками, как Виктор Семенович Гурфинкель, Марк Шик и другие). Был даже (правда, недолго) особый семинар по кибернетике, на который я тоже полу-

* Вообще семинар всегда был “закрытым”, попасть на него без разрешения руководителя было нельзя. Когда И.М. замечал незнакомца или незнакомку, он спрашивал: “А Вас кто рекомендовал?” И если рекомендации и предварительной договоренности не было, Гельфанд бесцеремонно выгонял пришельца.

чил приглашение; там обсуждали самые разнообразные проблемы – от филологии (например, компьютерной поэзии) до медицинской диагностики. Ходили слухи (за достоверность не ручаюсь), что И.М. не относился к большим любителям чтения научной литературы. Возможно, семинары были для него источником информации и способом самому обдумывать разнообразные научные проблемы.

Ничего, даже отдаленно напоминающее семинар Гельфанда, я нигде и никогда больше не видел. А жаль. Убежден, что многие из широко разрекламированных и дорогостоящих текущих научных проектов (если не сказать, прожектов) Гельфанд бы высмеял язвительно и беспощадно.

Впрочем, ни к каким практическим результатам эта критика все равно бы не привела.

Может показаться, что такое экстравагантное сборище как наш семинар в современных условиях не нужно. Сейчас, мол, есть более надежные способы получить “гамбургскую” оценку – пошлай свою статью в Nature, Science или Cell и жди отрезвляющий ответ. Конечно, проверять себя на таком оселке не вредно, но мне все же кажется, что оценки Гельфандовского семинара были, как правило, более глубокими, объективными и эффективными.

*В.И. Агол,
член-корреспондент РАН и РАМН
E-mail: agol@belozersky.msu.ru*